

Я. С. ЛУРЬЕ

ТРОИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ
И МОСКОВСКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ XIV В.

Общерусское летописание XIV в. не дошло до нас непосредственно — в современных ему летописных списках. Единственным исключением можно, пожалуй, считать Лаврентьевскую летопись — рукопись 1377 г., содержащую свод 1305 г., по текст этого свода включает лишь первые пять лет XIV в. Все остальные общерусские своды XIV в. восстанавливаются предположительно — путем сопоставления между собой летописей более позднего времени. Сравнение между собой летописных текстов XV—XVI вв. обнаруживает существование их протографов — тверского и суздальско-нижегородского сводов конца XIV в., имевших, очевидно, общерусский характер.¹ Но существовали ли аналогичные летописные своды великих князей московских, уже с середины XIV в. занявших главенствующее положение среди князей древней Владимиро-Суздальской земли? Когда были составлены первые официальные московские великокняжеские своды? Наиболее ранние памятники московского великокняжеского летописания, дошедшие до нас, относятся к 70-м годам XV в. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи, Московский свод 1479 г.); в основе свода начала 70-х годов лежал, очевидно, великокняжеский свод 50-х годов XV в.² Но где искать текст московских великокняжеских сводов более раннего времени?

Самой близкой по времени к XIV в. общерусской летописью была Троицкая летопись. Но изучение Троицкой летописи связано с рядом трудностей. Прежде всего эта летопись, как известно, погибла в пожаре 1812 г. и текст ее может быть только реконструирован по выпискам Н. М. Карамзина и разрозненным пер-

¹ А. И. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. Изв. АН СССР, VII серия, отд. гуман. наук, Л., 1930, № 9—10, с. 770; ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. ТОДРЛ, Л., 1973, т. XXVIII, с. 127—130.

² Ср.: Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В кн.: Вспомогат. истор. дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 226—230.

вого незавершенного издания Лаврентьевской летописи, а также по летописным текстам XV—XVI вв. (Симеоновская летопись, Рогожский летописец и др.). Кроме того, Троицкая летопись, доведенная до 1408 г., относилась не к XIV, а к началу XV в. (не говоря уже о том, что она была не великокняжеским, а, по всей видимости, митрополичьим сводом). Летописание XIV в. в Троицкой летописи дошло до нас поэтому не непосредственно, а опосредствованно — как источник (или группа источников) этой летописи.

Анализ Троицкой летописи во многом облегчается для современного исследователя благодаря уникальной по своему характеру работе М. Д. Приселкова — реконструкции этого летописного памятника.³ Однако, опираясь на эту реконструкцию, мы не должны забывать тех ее особенностей, на которые настойчиво указывал сам М. Д. Приселков. Подчеркивая, что «реконструкция не есть реставрация», и предлагая исследователям «критически отнестись к предложенным здесь материалам»,⁴ ученый и во введении к реконструкции, и в самом тексте очень точно разграничил различные части Троицкой, которые могут быть восстановлены с разной степенью достоверности. Он ввел систему двух шрифтов, которые должны были указать читателю на основной источник, откуда данный текст взят: крупным шрифтом были напечатаны тексты до 906 г. из разночтений к 1-му изданию Лаврентьевской (подготовленному еще до гибели Троицкой) и цитат Н. М. Карамзина, более мелким — тексты из Симеоновской и других летописей, которые можно было считать идентичными Троицкой. Кроме того, в подстрочных примечаниях он отметил источник каждого введенного им известия, указав основания для включения его в текст; особенно важными являются эти пояснения в тех случаях, когда тексты взяты из цитат Н. М. Карамзина, подкрепленных не прямыми, а более или менее косвенными ссылками на Троицкую. К сожалению, однако, разъяснения М. Д. Приселкова и весь научный аппарат этого издания далеко не достаточно учитываются авторами, использующими реконструкцию Троицкой. Реконструкция эта постоянно рассматривается как издание текста, и ссылки даются просто на «Троицкую летопись» — без учета шрифта и подстрочных примечаний М. Д. Приселкова.

Наиболее сложные проблемы ставит перед исследователями последняя часть Троицкой — с 1392 по 1408 г. До этого года текст Симеоновской летописи (с 1177 г.) и Рогожского летописца (с 1365 г.) почти полностью передает текст Троицкой, но с 1392 г. (судя по цитатам Н. М. Карамзина) обе эти летописи отступают от свода 1408 г. и содержат лишь его сокращенную переработку. Для восстановления Троицкой в этой части основным и надеж-

³ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950. — Издано посмертно.

⁴ М. Д. Приселков. Троицкая летопись..., с. 24—25.

ным источником остаются только цитаты Н. М. Карамзина. А между тем именно эта часть Троицкой содержала известие, дающее ключ к наиболее важной для нас проблеме — летописанию XIV в., лежащему в основе свода 1408 г. Осуждая новгородцев, составитель Троицкой предлагал читателю в подтверждение его слов посмотреть «книгу Летописец великий русский» и прочесть «от великого Ярослава и до сего князя нынешняго».⁵ Итак, перед нами указание на какой-то предшествующий летописный памятник, доведенный, очевидно, до конца XIV в. (в 1389 г. на престол вступил «князь нынешний» — Василий Дмитриевич). М. Д. Приселков предполагал, что «Летописец великий русский» — московский великокняжеский свод 1389 г. — был важнейшим источником Троицкой летописи и что ему предшествовали другие московские великокняжеские своды.⁶

В какой степени этот вывод может быть принят? Изыскания последних десятилетий не принесли значительных новых данных по истории летописания XIV в.; едва ли может быть осуществлено поэтому пожелание М. Д. Приселкова о создании новой «реконструкции текста Троицкой летописи, лучшей и точнейшей», чем та, которую выполнил исследователь.⁷ Однако некоторые новые материалы, проливающие свет на историю летописания XIV в., обнаружены. Речь идет прежде всего о Владимирском летописце — памятнике XVI в., известном историкам конца XVIII—начала XIX в.,⁸ но забытом в последующие годы. М. Н. Тихомиров, заново открывший этот памятник, обнаружил, что он близок к Троицкой летописи.

Еще большее значение для реконструкции летописания XIV в. имеют новые исследования сводов следующего XV столетия. У нас нет, к сожалению, специальных исследований по истории летописания XIV в.,⁹ но некоторые наблюдения относительно этого летописания могут быть сделаны.

⁵ Там же, с. 439 (основа реконструкции — прим. 148 к т. V «Истории» Карамзина).

⁶ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 121.

⁷ М. Д. Приселков. Троицкая летопись... с. 46.

⁸ Один из двух известных теперь списков Владимирского летописца — Чертковский (ГИМ, Чертк., № 362; ср.: ПСРЛ, М., 1965, т. XXX, с. 4—5), принадлежавший А. И. Мусину-Пушкину, — имеет помету «Книга летописец во сто втором на десять году князь Федор Иванович Кривоборского...». Очевидно, это тот же самый летописец Федора Ивановича Кривоборского 1604 (7112) г., который неоднократно привлекался и обсуждался М. Щербатовым и другими историками конца XVIII—начала XIX в. (М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1770, с. VIII—XIV; Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, с. 243, 250—252; К. Ф. Калайдович. Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. Записки и труды ОИДР, ч. II, М., 1824, отд. II, с. 12—20).

⁹ Об отдельных статьях по истории летописания XIV в. см. прим. 44 и 65.

Реконструируя текст Троицкой летописи (далее: Тр.), М. Д. Приселков, как мы уже отмечали, принужден был опираться на неравноценные материалы: на прямые цитаты из Тр. (у Карамзина и в разночтениях к началу незакопченного 1-го издания Лаврентьевской)¹⁰ и на тексты Лаврентьевской и Симеоновской летописей и Рогожского летописца, лишь на определенном протяжении совпадающие с Тр.

Симеоновская летопись (далее: Сим.) дошла до нас в рукописи XVI в.; текст ее начинается 6685 (1177) г. и заканчивается 7002 (1494) г. Эта летопись представляет, таким образом, свод конца XV—начала XVI в.; в последней части (с 1410 по 1494 г.) она совпадает с рядом общерусских летописей и содержит Московский великокняжеский свод в редакции конца XV в.¹¹ Но Московский великокняжеский свод может считаться источником Сим. почти исключительно на протяжении XV в.; наличие иного источника, к которому восходит предшествующая основная часть летописи, подчеркивается дублировкой известий 6918—6920 (1410—1412) гг.: они изложены здесь дважды, причем с Московским сводом совпадает вторая версая, с которой начинается последняя часть текста (1410—1494 гг.). Повлиял ли Московский свод на основную часть Сим. за 1177—1412 гг.? А. А. Шахматов обнаружил в основном тексте Сим. три раздела, не находящих соответствия в цитатах Н. М. Карамзина из Тр. и явно заимствованных из Московского свода: под 6743 (1235)—6745 (1237), 6747 (1239)—6757 (1240) и 6869 (1361)—6872 (1364) гг.¹² Кроме этих мест, Сим. до 6900 г. обнаруживает несовпадение с Тр. лишь в одном случае: под 6811 (1303) г. в Сим. отсутствует известие о поездке князя

¹⁰ Летопись Несторова, по списку князя Лаврентия, издавали профессора Х. Чеботарев и Н. Черепанов с 1804 по 1811 г. [М., б. г.]. М. Д. Приселков отметил еще одно отражение текста Тр.: выписки, сделанные из нее Г. Ф. Миллером при сравнении с Радзивиловской летописью (Троицкая летопись..., с. 8—9, 36—37). Недавно Г. Н. Моисеева обнаружила копию с трех первых листов Тр. в «портфелях» Миллера (ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6; см.: Г. Н. Моисеева. Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. ТОДРЛ, Л., 1971, т. XXVI, с. 93—99). К сожалению, однако, эти записи Миллера, как и разночтения в издании Чеботарева—Черепанова, отражают только начальную, наименее оригинальную часть Тр.

¹¹ Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. ТОДРЛ, М.—Л., 1955, т. XI, с. 175—179. — Симеоновскую летопись см.: ПСРЛ, СПб., т. XVIII, 1913.

¹² А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая летопись начала XV в. СПб., 1910 (оттиск из ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 2), с. 63—67. — Текст 6743—6745 и 6747—6757 гг. реконструирован М. Д. Приселковым по Лаврентьевской, текст 6869—6872 гг. — по Рогожскому летописцу (с использованием во всех случаях цитат Карамзина).

Андрея (Городецкого) в Орду, приведенное Н. М. Карамзиным со ссылкой на Тр.¹³

Рогожский летописец (далее: Рог.) сохранился в относительно ранней рукописи середины XV в., но привлечение его для реконструкции Тр. затрудняется сложностью состава Рог. До 6796 (1288) г. текст Рог. представляет собой небольшую по объему компиляцию, основанную на двух источниках: на кратком (и до сих пор не исследованном) суздальском летописце, доведенном до последней четверти XIII в., и на выдержках из летописного свода середины XV в. По мнению А. А. Шахматова, это был «свод 1448 г.» (общий источник Новгородской IV и Софийской I летописей); нам представляется более вероятным, что в первой части Рог. была использована Новгородская IV летопись (далее: Н IV).¹⁴ Во второй части Рог. — с 6793 по 6835 (1285—1327) г. — помещена Тверская летопись,¹⁵ в значительной части совпадающая с соответствующей частью Тверского сборника XVI в. (так называемой Тверской летописи). С 6836 по 6882 (1328—1374) гг. Рог. начинает обнаруживать значительные совпадения с Сим., перемежающиеся в этой части с фрагментами тверского летописания; с 6883 (1375) г. Рог. становится почти идентичным с Сим. Однако начиная с 6899—6900 (1391—1392) гг. сходный текст Сим. и Рог., как мы уже отметили, значительно отстает от текста Тр., сохранившегося в цитатах Н. М. Карамзина. Ряд известий Сим. (в меньшей степени Рог.) и в этой части (6900—6916 гг.) близок к Тр. и, очевидно, восходит к ее протографу, но это уже сокращенный и переработанный текст свода 1408 г. Что это за переработка? М. Д. Приселков пришел к заключению, что в основе Сим. и Рог., совпадающих до 6920 (1412) г. (на котором кончается текст Рог.), лежит обработка свода 1408 г., произведенная в Твери в 1412 г. Та же тверская редакция 1412 г. отразилась в соединении с рядом других источников и в Никоновской летописи XVI в.¹⁶

¹³ А. А. Шахматов. Спмеоновская летопись XVI в. и Троицкая летопись начала XV в., с. 95; М. Д. Приселков. Троицкая летопись..., с. 41—42.

¹⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 312—321; Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей, стр. 125, прим. 39. — Рогожский летописец издан: ПСРЛ, Пгр., 1922, т. XV, вып. I (фототипическое воспроизведение — М., 1965).

¹⁵ Первое известие этой летописи относится уже к 6793 г.; под 6796 г., вслед за известием о смерти ростовского епископа, следует сплошной тверской текст.

¹⁶ М. Д. Приселков. 1) История..., с. 116—118; 2) Троицкая летопись..., с. 21—23. — Сложность состава Никоновской летописи, опиравшейся и на тверскую обработку свода 1408 г., и на множество других сводов, побудила М. Д. Приселкова использовать для восполнения пробелов в реконструкции Тр., помимо всех названных источников, не Никоновскую летопись, а Московский свод 1479 г. (по Воскресенской летописи) (см. с. 86—87).

В настоящее время исследователи располагают еще одним источником, отражающим, по-видимому, на значительном продолжении Тр. (свод 1408 г.). Это Владимирский летописец (далее: Вл.), заканчивающийся 7031 (1523) г. и сохранившийся в двух рукописях второй половины XVI в. Уже М. Н. Тихомиров, обнаруживший этот текст, установил сходство ряда его известий с Сим. и дошедшими до нас фрагментами Тр.; он пришел к выводу, что Вл. был составлен в XVI в. на основании свода, близкого к Тр., с использованием некоторых других источников.¹⁷ Предположение о дополнительном источнике Вл. было уточнено Л. Л. Муравьевой, отметившей, что ряд известий этого летописца и Н IV совпадает.¹⁸

Вывод Л. Л. Муравьевой о влиянии Н IV на Вл. может быть подтвержден еще множеством наблюдений. Заимствования из Н IV, хотя и небольшие по объему, встречаются во Вл. на всем его протяжении.¹⁹ С этой же традицией оказывается связанным и дальнейший текст Вл. за XV в.; по определению конкретной редакции или извода Новгородской IV, к которым восходит Вл.,

¹⁷ М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных сборниках Москвы. М., 1962, с. 13—20. — Владимирский летописец издав: ПСРЛ, М., 1965, т. XXX.

¹⁸ Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. В кн.: Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968, с. 37—40.

¹⁹ Отмечаем здесь только заимствования из Н IV в тексте за XIV в. (большинство известий связано с церковным строительством и смелой архиепископов и других должностных лиц в Новгороде; далее в скобках указываем только известия иного содержания); ср. Вл. с Н IV под годами: 6808 (2-е известие — о походе на шведов), 6813, 6815 (восстания, Н IV — 6813), 6817, 6818, 6819 (поход на Емь), 6821 (Н IV — 6820), 6823 (пемцы в Ладого, Н IV — 6821), 6824 (победа Михаила над новгородцами, Н IV — 6823), 6826 (война с немцами), 6830 (смерть Афанасия Дашиловича), 6831, 6832 (поход на Каму, Н IV — 6831), 6833, 6834 (мир с пемцами), 6835 (начало восстания против Щелкана и новгородско-татарские отношения), 6838 (строительство Изборска), 6840 (псковские дела, Н IV — 6839), 6843, 6844, 6846 (война с Карелой), 6847 (знамешие), 6848 (года правления Ивана Дашиловича, Н IV — 6849, подробности пожара в Новгороде, пожар в Смоленске), 6850 (Андрей в Пскове, Н IV — 6850), 6852, 6853 (литовские дела), 6854 (конец года), 6856, 6858 (завоевание Волиши), 6859, 6860, 6862 (поездки в Орду, Н IV — 6861—6862), 6863, 6864, 6865 (взятие Тиврижского царства), 6866, 6867, 6868 (строительство, Н IV — 6870), 6869 (Н IV — 6870), 6870, 6872, 6873 (известие о строительстве Троицы в Новгороде, совпадающее с Н IV, дублируется далее под 6875 г., где оно, очевидно, взято из Тр.; отставка Алексея Пнжегородского; Юрий Смоленский, Н IV — 6914), 6882 (поставление корелой Новгородка, Н IV — 6883), 6893 (пожар в Пскове и Новгороде), 6895 (мор в Смоленске), 6897 (Н IV — 6896), 6898 (мор; поставление владыки, Н IV — 6896), 6901 (междукняжеские отношения), 6903 (изгнание Тохтамыша), 6904 (поход на Царьград), 6908 (вокняжение тверского князя; строительство, Н IV — 6907), 6909 (переворот в Смоленске; строительство, Н IV — 6908), 6911 (Лугвесь), 6912 (поход к Смоленску; поход к Брянску, Н IV — 6910), 6915 (изгнание Шадбека). Известия 6815, 6826, 6832, 6838, 6846, 6873, 6895 гг. отмечены Л. Л. Муравьевой (Новгородские известия Владимирского летописца, с. 38—39).

представляется затруднительным.²⁰ Наблюдается во Вл. и несколько совпадений с поздним московским летописанием, частично восходящим к Московскому своду.²¹

Но, несмотря на эти заимствования, текст Вл. до конца XIV в., если его «очистить» от дополнений из иных источников, действительно оказывается сокращенной версией текста Тр., поскольку мы можем судить о нем по выпискам Карамзина и другим данным. При этом, что особенно важно, совпадения Вл. с Тр. обнаруживаются и в тех местах, где Сим. расходится со сводом 1408 г. и не может помочь в его реконструкции. Рассказ Вл. за 6743—6745 и 6747—6757 гг. не содержит тех обширных вставок из Московского свода, которые читаются в Сим. (рассказ о взятии Киева и походе Батыя в Венгрию, Ледовое побоище, житие Михаила Черниговского), и, за исключением единичных вставок из Н IV,²² идентичен с Лаврентьевской и с теми цитатами из Тр. за эти годы, которые приведены Н. М. Карамзиным. Читается во Вл. под 6811 г. и известие о походе князя Андрея (Городецкого), которое содержится в Тр. и пропущено в Сим. Но наиболее ценные данные для реконструкции Тр. дает текст Вл. за 6869—6872 гг. Текст этот в Сим. также восходит к Московскому своду и расходится со сводом 1408 г., но он относится уже к XIV в., и для восстановления текста Тр. М. Д. Приселков принужден был в данном случае обратиться не к Лаврентьевской, а ко второй части Рог., соединяющей известия свода 1408 г. (Тр.) с тверскими известиями

²⁰ В огромном большинстве случаев тексты из Н IV, использованные во Вл., специфичны именно для Н IV и отсутствуют в Софийской I летописи (известия о строительстве и смене должностных лиц в Новгороде), однако в нескольких местах текст дополнений во Вл. оказывается сходным с Новг. I (6713, 6734, 6740 гг.), а в других местах — с Софийской I (6560, 6761, 6770, 6773 и 6774 гг.); очевидно, это специфические чтения той редакции Н IV, которая была использована во Вл. Некоторые из известий Вл. за XV в. совпадают с Н IV по Хронографическому списку (6958 г. — в Новг. Хрог. под 6957, 6960, 6963, 6964 гг., конец 6966 г., 6967, 6968, 6975 гг.), некоторые — с Н IV по Голштынскому списку (6946, 6947 гг., начало 6966 г.); известие Вл. о строительстве в 6861 г. церкви «мору дея» отсутствует в новгородских летописях. Ср.: Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца, с. 40.

²¹ С Московским сводом и летописями XVI в. совпадают известие 6667 г. о митрополите Константине и ряд подробностей жития Алексея под 6885 г. (ср.: М. П. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы, с. 16 и 18). Под 6 декабря 6815 г. Вл. сообщает о смерти и месте погребения митрополита Максима; в Московском своде это известие читается под 16 декабря 6813 г.; в Сим. — под 6 декабря 6815 г., но без указания места погребения. Возможно, что Вл. сохранил здесь текст Тр. Известие Вл. за 7004 г. о причащении бывшего митрополита Зосимы совпадает с Прилуцкой (сводом 1497 г. — ПСРЛ, М.—Л., 1963, т. XXVIII) и Тверской летописями.

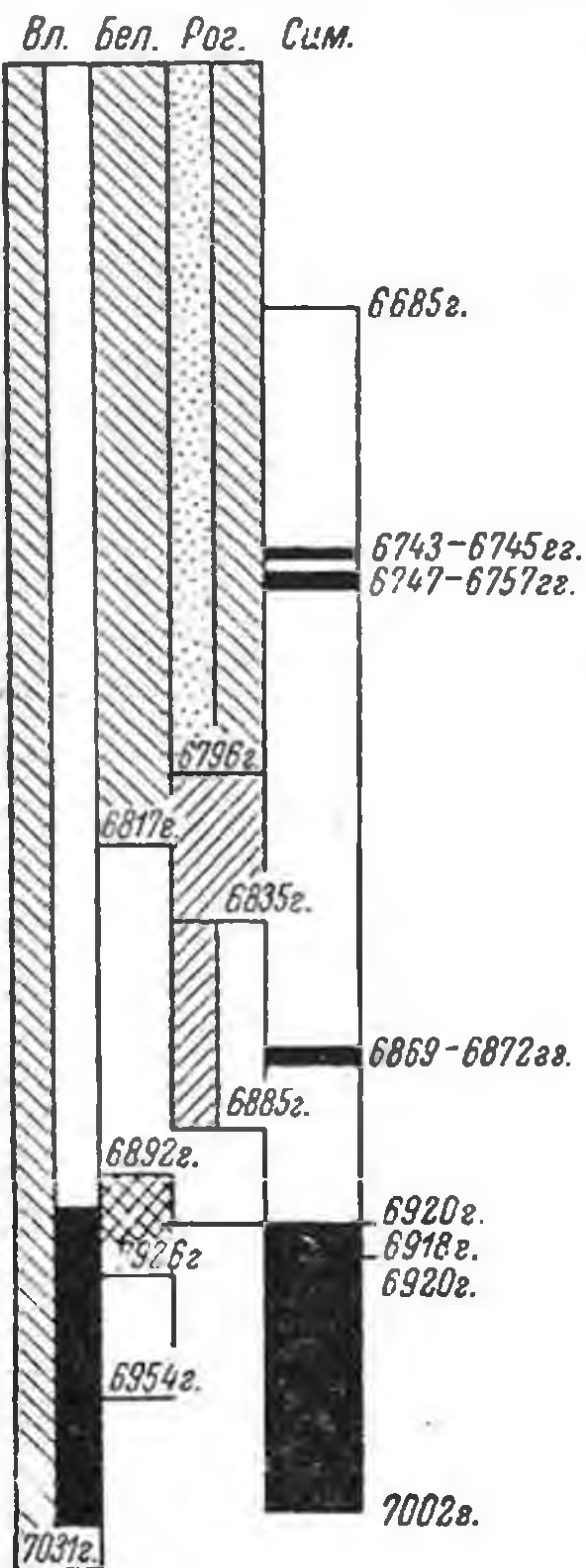
²² См. известия под годами: 6745 (о походе немцев на Литву), 6747 (о жемчуге Александра, Н IV — 6746), 6748 (о взятии Пскова немцами), 6749 (о неудаче Батыя под Кременцом, Н IV — 6748), 6757 (о смерти Спиридона и воеводы Андрея во Владимире, второе изв. в Н IV под 6755 г.).

ями. Тем более интересным оказывается, что Вл. и в этом фрагменте подтверждает реконструкцию Тр.: текст за 6869—6872 гг. (за исключением двух чисто новгородских известий из Н IV) оказывается идентичным с текстом Рог.; с Тр. (судя по Карамзину) и Рог. совпадает, в частности, известие Вл. за 6869 г. об

убийстве царя Кидыря его братом Муратом (Мурутом), содержащееся только в этих летописях (в Сим., как и во всех остальных летописях, в убийстве Кидыря обвиняется его сын Темирхожа).

Введение Вл. в научный оборот не только подтверждает приселковскую реконструкцию свода 1408 г., но и позволяет внести некоторые дополнения в эту реконструкцию. Не имея возможности полностью рассмотреть этот вопрос в пределах настоящей статьи, мы ограничимся только некоторыми наблюдениями, относящимися к тексту за XIV в.

В качестве основы для реконструкции текста Тр. М. Д. Приселков брал с XII по начало XIV в. Лаврентьевскую и Сим., а с начала XIV в. — Сим.; Рог. он привлекал только при явных пробелах в Сим. Однако исследователь отмечал, что Рог. не только дошел в древнем списке середины XV в., но и лучше передавал «в смысле первоначальности чтения и изложения» текст свода 1408 г. (в редакции 1412 г.).²³ К сугубой осторожности при использовании Рог. побуждало М. Д. Приселкова то обстоятельство, что на протяжении 6836—6882 (1328—1375) гг. Рог. дает известия Тр. в соединении с тверскими известиями. Как же отделить в этой части тверские известия Рог. от общерусских (из свода 1408 г.), к числу которых, как мы убедились, относятся, например, известия Рог.



Соотношение летописей, отражающих текст Тр. (заштрихованы заимствования из других источников).

за 6869—6872 гг.? Относить к тверскому источнику Рог. только те известия, которые читаются в соответствующей части Тверского сборника, с уверенностью нельзя потому, что текст Тверского сборника сокращен и мог содержать не все известия тверского оригинала. При решении вопроса, «что из излишков Рогожского летописца против Симеоновской можно приять как опущенные Симеоновской известия Троицкой», М. Д. Приселков обращался к Московскому своду конца XV в. (в его версии

²³ М. Д. Приселков. История... с. 115—116.

XVI в. — Воскресенской летописи), исходя из того, что Московский свод несомненно использовал в качестве одного из своих источников свод 1408 г.²⁴ Однако Московский свод (как и Сим.) был уже относительно поздним летописным памятником, дававшим официальную версию великокняжеского летописания конца XV в.²⁵ Между тем свод 1408 г. (как это показывают бесспорные тексты Тр. и как мы в этом еще убедимся в дальнейшем изложении) включал и такие известия, которые оказывались в конце XV в. излишними и даже совсем недопустимыми с точки зрения московского официального летописца. Не могли ли подобные известия, опущенные в Сим. и других поздних памятниках, сохраниться в Рог.? Сопоставление с Вл., как мы уже видели, подтвердило ценность текста Рог. до 6882 г. для реконструкции Тр.: известия 6869—6872 гг. оказались в Рог. и Вл. идентичными, — очевидно, они восходят к своду 1408 г.

В нашем распоряжении имеется еще один памятник, отражающий свод 1408 г. и дающий возможность проверить текст Рог. и Сим. за XIV в. Это Западнорусская (Белорусская I) летопись (далее: Бел.), краткий летописный свод, дошедший до 6954 (1446) г.²⁶ Отметив, что с 6818 (1310) по 6893 (1385) г. этот свод «непрестанно сходствует с Троицкой (Симеоновской) летописью»,²⁷ М. Д. Приселков не привлек его для реконструкции Тр., — видимо, из-за фрагментности Бел. Но текст Бел. за 6818—6893 гг. имеет важное преимущество над упомянутыми выше летописями: он не был связан ни с тверским летописанием XIV в. (как Рог.), ни с тверской обработкой свода 1408 г. (как Рог., Сим. и Никоновская летопись). Отсутствие каких-либо признаков непосредственной близости Бел. с Рог. позволяет поставить вопрос: не восходят ли совпадающие места этих летописей (отсутствующие в Тверском сборнике) к общерусскому своду конца XIV—начала XV в. (идентичному или близкому к Тр.)?

Уже под 6835 (1327) г. Бел. содержит известие, заслуживающее внимания при реконструкции Тр. Под этим годом в Тр. упоминалось тверское восстание против Щелкана; не приводя этого известия полностью, Н. М. Карамзин упомянул, что «в харатейных Новгород. и Троицк.» ханский посол именуется «Шевкалом» (а не Щелканом). Однако в Сим. нет вообще никакого упоминания о Щелкане-Шевкале;²⁸ М. Д. Приселков отказался поэтому

²⁴ Там же, с. 117.

²⁵ Там же, с. 183—185.

²⁶ ИСРЛ, СПб., 1907, т. XVII, стлб. 1—70.

²⁷ М. Д. Приселков. История... с. 156.

²⁸ Во Вл. рассказ 6835 г. о Щелкане восходит к II IV, однако выше, под 6826 г., здесь сохранилось известие, отсутствующее в Сим., II IV и других летописях и восходящее, может быть, к своду 1408 г.: сообщая о смерти Михаила Ярославича, летописец указывает, что Озбяк «великое княжение Тферское дасть сыну его князю Александру». В Рог. до 6836 г. читаются иные, чисто тверские известия.

в данном случае от реконструкции текста Тр.²⁹ Между тем Бел. содержит под 6835 г. краткие, но вполне оригинальные известия, где Щелкан как раз именуется Шевкалом: «... выде царев посоль из Орды Шевъкаль на Тфери... Того же дни убиша Шевъкала на Тфери».

Начиная с 6836 г. оригинальные известия Бел. обнаруживаются в Рог., чаще всего в полном и развернутом виде. Так, под 6849 и 6851 гг. в обеих летописях читаются известия о вокняжении Константина Васильевича Суздальского (во втором случае в Бел. ошибочно: «Костентин Ивапович») и о получении им в Орде, вопреки Семену Ивановичу Московскому, Новгородского (Нижегородского) княжения; оба этих известия никак не связаны с Тверью (как и приводимых далее известий, их нет в Тверском сборнике). Под 6852 г. обе летописи сообщают о том, что митрополит Феогност, ходивший в Орду «за церковный причет», принял «много истому» от царя (Жапибека); о поездке Феогноста в Орду «к новому царю Чапибеку» Сим. и Рог. сообщают и под 6850 г., но там же упоминалось и о его возвращении, таким образом, здесь идет речь, очевидно, о другой поездке.³⁰ Под 6855 (Бел. — 6856) г. обе летописи сообщают о том, что Семен Иванович женился (в третий раз) «утаився митрополита Фегнаста, митрополит же не благослови его и церкви затвори (Бел.: «он же не благослови»), но она послали в Царьгород благословения просить». М. Д. Приселков уже обратил внимание на это интереснейшее известие о конфликте князя с митрополитом, приведшем к «затворению церквей» (интердикту), но отослал его к тверскому источнику Рог.³¹ Между тем текст Сим. позволяет предполагать, что весь этот рассказ читался в общем оригинале (Тр.) в более полном виде: в Сим., как и Рог., сохранилось известие 6854 г. о разводе Семена с его второй женой (об «отсылке» ее к отцу на Волок); в начале 6855 г. Сим. сообщает о третьем браке Семела, а в конце туманно добавляет, что «Семен и Феогност послана в Царьгород о благословении» (в Никоновской не менее туманное: «посоветоваша нечто духовне... и тако послаша»). О том, что в оригинале было связывающее эти известия сообщение о ссоре Семена с митрополитом из-за третьего брака, свидетельствует и цитата Н. М. Карамзина. Приведя известие о третьем браке Семена и перечислив членов московского посольства, ез-

²⁹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 358, прим. 2. — Ср.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1892, прим. 211.

³⁰ О мучениях Феогноста при его поездке в Орду в 6851 г. сообщал и «свод 1448 г.» (Софийская I—H IV) на основании своих дополнительных источников; в Московском своде и Никоновской летописи это известие перенесено на 6850 г.

³¹ М. Д. Приселков. История..., с. 7.

дившего за певестой («... да Олексей Босоволков»),³² Н. М. Карамзин сделал здесь отточие и только после него дал следующее известие о рождении у Семена сына Данила. Но в Сим. известие о рождении Данила идет непосредственно за перечислением членов посольства («Алексей Босоволков»), а в Рог. на месте этого отточия как раз и читается известие о конфликте с Феогностом.³³

Под 6860—6862 гг. в Рог. и Бел. (Бел. — 6861) помещен рассказ о «замытне в Царьграде» (изгнании «царя Ивана» Палеолога) и о женитьбе князей Михаила Тверского и Бориса Нижегородского (Бел. — 6862); в Рог. под 6860, 6862 и 6865 гг. сообщается также о назначении русского чернеца Романа митрополитом в Терпов и Киев (в Бел. это известие идет только под 6862 г.).³⁴ В Сим. все эти известия отсутствуют, но в Никоновской известие 6862 г. о Романае читается.³⁵ Под 6865 г. обе летописи сообщают о взятии царем Чапбеком Мисюря (Египта), о его безумии («възбесися») и убийстве его сыном Бердибеком (последнее событие подробно описано под 6865 г. и в Никоновской летописи, но с иным началом).³⁶ Под 6867 г. Рог. и Бел. сообщают о получении Андреем Константиновичем Суздальским великого княжества (Владимирского), уступленного им своему брату Дмитрию Константиновичу. В более краткой форме известие 6867 г. о получении Дмитрием Константиновичем великого княжества (без упоминания об Андрее Константиновиче)³⁷ содержалось во Вл. В Сим. известие о пожаловании Дмитрия Константиновича в 6867 г. отсутствует, но наличие этого известия в общем протографе подтверждается его логической связью с известием следующего 6868 г., читающимся и в Сим., и в Рог., и во Вл., и в ци-

³² Цитата не аннотирована у Н. М. Карамзина (т. IV, прим. 365), не совпадает по тексту с Сим. (кроме отточия) и отнесена М. Д. Приселковым к Тр. (Троицкая летопись..., с. 368, прим. 5).

³³ В прим. 367, возвращаясь к известию 1340 г., Н. М. Карамзин приводит без ссылки на источник слова: «князь великий Семен и митрополит послаша в Царьгород о благословении».

³⁴ А. А. Шахматов указывал, что известий Бел. за 6861—6862 гг. (как и известий за 6865, 6867, 6871 гг.) нет ни в одной из известных ему летописей (А. А. Шахматов. Обзорение..., с. 340). Но в Рог. под 6860 г. эти известия читаются и, кроме того, сообщается еще об изгнании царем Чапбеком царя Урдака.

³⁵ У Карамзина (т. IV, прим. 383) известие о Романае приводится только в цитате из Никоновской летописи.

³⁶ В Сим. читается только известие, совпадающее с последней фразой Рог.: «Того же лета Бердибек царь в Орду седе на царстве, а отца своего убил и братью свою побил». У Карамзина (т. IV, прим. 384) приведены со ссылкой на Тр. эта цитата и подробный рассказ Никоновской.

³⁷ Во Вл., как и в Сим., Рог. и Бел., сообщалось о получении Андреем в 6864 г. великого княжества Нижегородского, но подробнее, чем в других летописях: сперва летописец рассказывал, что «иде в Орду князь Андрей Константинович ко царю Чапбеку и вся степень отца своего Суздаль и Нижний Новгород» (этого нет в других летописях); затем (в конце) — о его приезде в Нижний Новгород.

тате Карамзина из Тр.: «выиде из Орды на великое княжение князь Суздальский Дмитрий Константинович, а не по отчине, ни по дедне».³⁸

О большой ценности известий Рог. за 6869—6872 гг. (замененных в Сим. другим текстом) для реконструкции Тр. мы уже упоминали. Бел. в этой части меньше помогает восстановлению первоначального текста, чем Вл., так как 6869 и 6871 гг. в ней пропущены, а 6872 г. представлен всего одним известием (о походе Дмитрия Ивановича к Суздалю). Но зато под 6870 г. Бел. содержит, по-видимому, наиболее точное воспроизведение общего оригинала. В Сим. здесь рассказывается о том, что владимирцы не пустили к себе тверского князя Михаила Александровича, получившего из Орды ярлык на великое княжение: «не прияша его и не впустиша его сести на столе, а рекоша ему так: княжение великое и не я». М. Д. Приселков отметил дефектность этого текста, но принужден был ввести его в реконструкцию,³⁹ так как Рог. в данном случае содержит тверскую версию событий 6879 г. Но в Бел. соответствующая фраза передана явно правильнее: «не прияша его, рекучи и: лжею взял еси княжение».⁴⁰

Предложенные здесь дополнения и изменения в реконструкции Тр. относятся к разделу, охватывающему вторую и третью четверти XIV в. и отразившемуся в наибольшем количестве параллельных источников. Для реконструкции последней части Тр. (конец XIV—начало XV в.) мы по-прежнему располагаем чрезвычайно скудными материалами: если Сим. и Рог. с 6899—6900 гг. дают сокращенное изложение свода 1408 г., то в Бел. с 6893 г. совершенно прекращается сходство с Тр., а во Вл. 6887—6888 гг. идет сугубо сокращенный текст, связь которого с Тр. можно предполагать в одном-двух известиях (более определенно обнаруживаются здесь следы влияния Н IV).⁴¹

³⁸ В пользу того, что известие о получении Андреем великого княжения и передаче его Дмитрию в 6867 г. читалось в Тр., говорит и упоминание о нем в тексте Карамзина: «царь дал великое княжение Дмитрию Суздальскому, меньшому брату Андрея Константиновича: ибо Андрей, как сказано в некоторых летописях, не захотел сей чести» (т. IV, с. 189); в прим. 392 к этому месту Н. М. Карамзин ссылается на Никоновскую и Тр., не приводя соответствующих цитат (он цитирует только известия следующего года); по в Никоновской нет известия о получении Андреем великого княжения и об его отречении в пользу Дмитрия.

³⁹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись... с. 391, прим. 2.

⁴⁰ Распространением этого известия можно, по-видимому, считать текст Московского свода, где владимирцы заявляют: «не имеем сему веру про што взяти тебе великое княжение». Совпадает с Рог. известие 6879 г. Московско-Академической летописи, — очевидно, текст последней летописи заимствован из свода 1408 г. (см. с. 94, прим. 57).

⁴¹ См. с. 84, прим. 19. К Тр. могут быть возведены известия Вл. за 6900 г. (смерть Даниила Феофановича) и за 6913 г. (освящение церкви Успения на Симонове). Рассказ о смерти Киприана в 6914 г. может быть возведен к Вл., и к Тр., и к Н IV.

Таковы данные, которыми мы располагаем в настоящее время, о тексте свода 1408 г. (Тр.) за XIV в. Сопоставление свода 1408 г. с летописями иной традиции позволяет охарактеризовать этот памятник и его вероятные источники.

2

Основным источником свода 1408 г., отразившимся в нем с начала до 6813 (1305) г., был свод 1305 г. (Лаврентьевская летопись). Уже А. А. Шахматов и М. Д. Приселков отметили, что при совпадении основного текста и специфических чтений (отличающих Лаврентьевскую и Тр. от Радзивилловской и других летописей) текст Тр., судя по имеющимся данным, в некоторых случаях отстает от текста Лаврентьевской (кроме того, могут быть отмечены хронологические отличия: между 6395—6453 и 6563—6568 гг. даты Тр. отстают на год от дат Лаврентьевской; между 6716—6739 гг. Тр. опережает на год Лаврентьевскую, а между 6802—6812 гг. снова отстает на год).

Чем объясняются расхождения между Тр. и Лаврентьевской? Прежде всего тем, что Тр. (свод 1408 г.) восходит не к тому списку Лаврентьевской, который дошел до нас, — рукописи 1377 г., а к оригиналу летописи — своду 1305 г. Об этом с несомненностью свидетельствует сравнение обеих летописей в их начальной части, где текст Тр. нам известен точно (по 1-му изданию Лаврентьевской): целый ряд лучших и более полных чтений, отличающих Тр. от Лаврентьевской (и сближающих ее с Радзивилловской и Московско-Академической), обнаруживается в Тр. вплоть до 6415 г.⁴² (где кончается текст 1-го издания Лаврентьевской). В дальнейшей части Тр. мы также находим лучшие чтения, отличающие ее от Лаврентьевской: в рассказе о нашествии Батия в 6745 г. при перечислении убитых перархов в Лаврентьевской пропущено имя игумена Успенского; в Тр. оно (судя по Карамзину и Вл.) читалось: «Данило, игумен Успенский». Совершенно ясно, что если бы Тр. восходила к рукописи 1377 г., она не могла бы содержать таких лучших и более полных чтений; очевидно, Тр. восходила не к списку Лаврентия, а к его протографу. Можно полагать, что этим протографом был свод 1305 г. с рядом индивидуальных, присущих ему особенностей. М. Д. Приселков отметил, что явным ошибкам Лаврентьевской, вызванным, по всей видимости, дефектами в ее «ветшаном» оригинале, соответствуют в Тр. аналогичные, хотя и менее явные пробелы в тексте.⁴³ Од-

⁴² Различия Тр. с Лаврентьевской до 6415 г. приводятся во всех изданиях последней; ср.: ПСРЛ, Л., 1926, изд. 2-е, т. 1 (перездание: М., 1961), стлб. 1, 3, 7, 9—12, 19—28, варианты; ср.: Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. Вопросы истории русской средневековой литературы. ТОДРЛ, т. XXIX, Л., 1974, с. 58—59.

⁴³ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, Л., 1939, т. XIX, с. 192 и 195.

нако составитель свода 1408 г., имея перед собой тот же «ветшанный» свод 1305 г., передавал его в ряде случаев более смело и созпатательно, чем Лаврентий.⁴⁴

Опираясь на свод 1305 г., составитель свода 1408 г. смог, однако, в некоторых случаях дополнить свой оригинал.⁴⁵ До начала XIV в. такие дополнения обнаруживаются всего в нескольких местах — под годами: 6704 (женитьба Константина Всеволодовича и др.), 6710—6714 (походы на половцев, взятие Царьграда, постряжение княгини Марии и другие известия) и 6738 (подчинение болгар князю Юрию).⁴⁶ Особенно значительными становятся

⁴⁴ Наличие в Тр. ряда независимых и лучших чтений по сравнению с Лаврентьевской не позволяет принять вывод Г. М. Прохорова, что на Тр. оказал влияние не «свод 1305 г.», а именно список Лаврентия — «рукопись 1377 г. или более поздние — но не более ранние! — списки» (Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. IV. Л., 1972, с. 104). Особенности рукописи Лаврентия с несомненностью обнаруживают, что перед нами не черновой, «авторский», а «перебеленный» текст, переписанный с какого-то оригинала. Текст этот никак не может поэтому свидетельствовать о «творческой работе» писцов 1377 г. (подробнее см.: Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в., с. 61—62).

⁴⁵ Единственный пример обратного изменения — сокращения текста свода 1305 г. в своде 1408 г. — можно было бы предполагать под 6771 г. Лаврентьевская содержит под этим годом житие Александра Невского (без окончания, из-за дефектности списка). Восстанавливая Тр. по Спм., М. Д. Приселков не обнаружил там под 6771 г. жития Александра и не включил поэтому его в свою реконструкцию Тр. (Троицкая летопись..., с. 325, прим. 3); однако он полагал, что в своде 1305 г. (судя по Лаврентьевской) это житие содержалось (История..., с. 98—99). Если это предположение верно, то надо будет считать, что свод 1408 г. исключил житие Александра Невского, читавшееся в его источнике — своде 1305 г. — под 6771 г. Ю. К. Бегунов, опираясь на эту реконструкцию, считает, что в своде 1305 г. (Ю. К. Бегунов. Когда житие Александра Невского вошло в состав Лаврентьевской летописи? *Welt der Slaven*, Bd. XVI, II, 2, S. 116—177) жития не было, а в Лаврентьевской оно вставлено составителем рукописи 1377 г. Однако в Сим. тексты из жития Александра (О Невском побойце, О Пелгусии, О Ледовом побойце и др.) были вставлены под 6749—6750 гг. вместе со всем фрагментом из Московского свода (см. с. 82, 85). Естественно, что дублирующий их текст под 6771 г. (сходный с Лаврентьевской), даже если он и входил в Тр., должен был быть опущен. Н. М. Карамзин (т. IV, прим. 109) приводит, ссылаясь на «описание подвигов Александра» (термин, которым он, по предположению Ю. К. Бегунова, обозначает летописную версию жития; ср.: Ю. К. Бегунов. Когда житие Александра..., с. 116, прим. 22), рассказ о чуде, свершившемся при погребении Александра; этого заключительного эпизода нет в Лаврентьевской (из-за дефектности текста); между тем во Вл. он читается под 6770 г. (соответствующего текста нет во втором источнике Вл. — II IV), весьма вероятно, потому, что житие Александра полностью или частично отразилось в Тр.; во всяком случае у нас нет оснований сомневаться в том, что в своде 1305 г. оно читалось.

⁴⁶ Ср.: А. А. Шахматов. Обзорение..., с. 39. — Известия за 6704, 6710—6714 и 6738 гг. читаются и во Вл. Текст за 6710—6713 гг., по-видимому, пропущен еще в своде 1305 г., и этот дефект был как-то связан с источниками свода 1305 г. (в Радзивилловской здесь — перестановка в тексте; ср.: М. Д. Приселков. История..., с. 89); в своде 1408 г. текст, очевидно, восполнен по какому-то другому источнику (не совпадающему с Радзивилловской).

дополнения Тр. к своду 1305 г. при изложении последних известий этого свода — за конец XIII—начало XIV в. С 6793 по 6802 г. в известиях Лаврентьевской обнаруживается перерыв;⁴⁷ в Тр., судя по цитатам Карамзина, Сим. и Вл., этого перерыва нет, и 6794—6802 гг. представлены здесь рядом известий (включая подробный рассказ о Дюдепевой рати в 6801 г.). С 6803 г. в своде 1408 г. появляется ряд известий, отсутствующих в своде 1305 г., — под годами: 6803 (подробности смерти Дмитрия Переяславского), 6805 (рать Неврюя), 6806 (поход на Смоленск, Лаврентьевская — 6807), 6807 (назначение митрополитом епископа Семена),⁴⁸ 6811 (подробности смерти Ивана Переяславского) и 6812 (дополнения к известиям Лаврентьевской); 6813 г. уже полностью составлен из известий, отсутствующих (кроме известия о буре) в Лаврентьевской.⁴⁹

Итак, основной источник Тр. до начала XIV в. — свод 1305 г. Какие же еще источники имел свод 1408 г.? Сравнительно-историческое исследование Тр. за XIV в. может быть основано на очень ограниченном материале — главным образом на сопоставлении с Новгородской I летописью (далее: Новг. I) (до середины XIV в. — по ее старшему изводу, представленному Синодальным списком XIV в.; далее — по спискам младшего извода).

Совпадения Тр. с Новг. I могут быть объяснены двумя причинами. Большинство сходных известий обеих летописей относится к истории Новгорода и его взаимоотношений с другими княжествами. Очевидно, известия эти (в частности, те, которые читаются в Новг. I старшего извода) проникли в свод 1408 г. из новгородского летописания;⁵⁰ некоторые сходные известия имеют

⁴⁷ Ср.: М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, с. 194; А. И. Насонов. История русского летописания XI—XVIII вв. М., 1969, с. 179.

⁴⁸ Указанные известия Тр. за 6806—6807 гг. реконструированы М. Д. Приселковым по Сим. Во Вл. оба известия — под 6805 г.; в Сим. и Вл. (как, очевидно, и в Тр.) известие о приезде Максима во Владимир дано дважды (Сим. — 6807 и 6808, Вл. — 6805 и 6807).

⁴⁹ М. Д. Приселков. История..., с. 108.

⁵⁰ Ср. известия Тр. под годами: 6823 (поход Юрия с новгородцами, в Новг. I — точная дата), 6824 (поход Михаила на Новгород, совпадают слова «заблудиша... в болотех»), 6873 (Новг. I — 6872—6873), 6875, 6876 (часть новгородских известий Тр. за 6875—6876 гг. отсутствует в Новг. I), 6877 (Новг. I — 6877—6878), 6879 (пожар, мир с немцами), 6880 (Новг. I — 6882), 6881, 6883 (поход новгородцев на Тверь; известия Тр. об ушкуйниках за 6879, 6882 и 6883 гг. отсутствуют в Новг. I), 6884 (Новг. I — 6883—6884), 6912, 6913, 6915. Известие Тр. о взятии Царьграда в 6712 г. (Сим., Вл.; в Лавр. пробел, в Радзивилловской и Московско-Академической нет) может быть сокращением подробного рассказа Новг. I. Известие 6835 г. об опустошении Тверской земли татарами, читавшееся в Тр. (судя по Сим. и Бел., во Вл. здесь текст из Н IV), совпадает с Новг. I старшего извода (которая была значительно старше свода 1408 г. и могла служить для него в данном случае источником). Несколько совпадений Тр. и Новг. I отмечено Ю. А. Лимоповым (Летописание Владимиро-Суздальской Руси.

общерусский характер и могли отражать обратное влияние свода 1408 г. на Новг. I младшего извода, составленную в середине XV в.⁵¹

Положив в основу своего изложения свод 1305 г., составитель свода 1408 г. для последней части своего труда, охватывающей XIV в., привлек, очевидно, новгородское летописание. На какие еще своды он опирался? М. Д. Приселков справедливо обратил внимание на отражение в своде 1408 г. (особенно с 60-х годов XIV в.) целого пласта суздальских известий.⁵² Фонд этих известий может быть еще более расширен, если мы введем в реконструкцию Тр. отмеченные выше сходные известия Рог. и Бел.⁵³ Можно проследить в своде 1408 г. также ряд ростовских⁵⁴ и иных местных известий.⁵⁵ Однако как ни вероятно наличие у свода 1408 г. соответствующих источников — сводов и летописцев отдельных княжеств, — текстологически подтвердить его мы не имеем возможности. Наиболее близкий по времени к Тр. летописный памятник, известный нам, — это краткий ростовский свод 1419 г., сохранившийся в последней части Московско-Академического списка Суздальской летописи (далее: МАк). Но летопись 1419 г. моложе свода 1408 г., совпадения (или черты сходства) между этими памятниками могут поэтому объясняться, с одной стороны, отражением в своде 1408 г. предполагаемого ростовского (или суздальско-ростовского) источника летописца 1419 г.⁵⁶ и, с другой стороны, влиянием свода 1408 г. на ростовское летописание последующего десятилетия.⁵⁷

Л., 1967, с. 127—128); отмеченные тем же автором совпадения Тр. и Новг. I за 1318—1321 и 1325 гг. не подкреплены примерами и не подтверждаются проверкой.

⁵¹ Общерусский характер имеют сходные с Новг. I известия Тр. под годами: 6835 (разорение Тверского княжества), 6884 (приход архимандрита Иифонта, Новг. I — Внифантий), 6910 (рязанско-литовская война) и 6911 (пленение виземских князей). Известия 6835 г., несмотря на свое общерусское содержание, восходило, очевидно, к Новг. I (см. предыдущее примечание).

⁵² М. Д. Приселков. История..., с. 133—134.

⁵³ См. с. 89—90.

⁵⁴ М. Д. Приселков. История..., с. 131.

⁵⁵ М. Д. Приселков отличает еще рязанские, смоленские, серпуховские, монастырские троицкие и тверские известия свода 1408 г. (История..., с. 131—133). Однако известия эти (как и новгородское известие 6914 г., отмеченное М. Д. Приселковым) отсутствуют в параллельных летописных памятниках и отнесены к соответствующим летописным центрам лишь по их содержанию.

⁵⁶ Ср. ростовские известия Тр. под годами: 6813 (МАк — 6813 и 6815), 6822, 6836 (смерть Прохора — МАк короче, дата пожара 24 июня). Совпадает с МАк также суздальское известие 6863 г.

⁵⁷ Ср. известия МАк под годами: 6825 (приход Юрия с Кавгадыем), 6829 (затмение), 6836 («тпшина» после вокняжения Ивана), 6870—6871 и 6879 (московско-суздальская война), 6879—6881 (московско-тверская война), 6888 (Куликовская битва), 6889 (приход Киприана), 6890 (нашествие Тохтамыша) и т. д.

Итак, сравнительно-текстологические данные, которыми мы располагаем для установления источников Тр. за XIV в., чрезвычайно бедны. Наиболее ценную для нас часть свода 1408 г. (за 1305—1408 гг.) мы, как и предшествующую часть, вынуждены поэтому рассматривать в основном как единое целое — памятник летописания начала XV в.

Что же представлял собой этот свод — когда он был составлен и каковы были его основные тенденции?

Общая характеристика свода 1408 г. была дана М. Д. Приселковым. Этот свод был, по его наблюдениям, составлен при дворе митрополита Киприана (митрополичий печатник Дорофей именуется под 6913 г. как «добрый наш старец») вскоре после смерти митрополита, описание которой (вместе с завещанием Киприана) помещено под 6914 г.⁵⁸ Составленный уже после примирения Киприана с великокняжеской властью и сближения его с Василием I, свод 1408 г. по своему составу являлся общерусским сводом, но его политические тенденции были явно промосковскими. Перипетии московско-тверской и московско-суздальской борьбы XIV в. здесь были изложены с явным сочувствием к Москве: победа Ивана Калиты под Тверью в 6836 г. рассматривалась как начало «тишины великой» для Русской земли; получение суздальским князем Дмитрием Константиновичем великокняжеского (владимирского) престола осуждалось как пожалование «не по отчине, не по дедине» и т. д.⁵⁹

Однако такая промосковская тенденция свода 1408 г. вовсе не была идентична общерусской: подлинных национально-объединительных тенденций и связанной с ними темы борьбы с татарским игом мы в этом своде не обнаруживаем. На важнейшие события XIV—начала XV в. сводчик смотрит с весьма узкой точки зрения: с позиций своего патрона, митрополита Киприана. Именно поэтому полная лояльность по отношению к Василию Дмитриевичу соединяется в своде с довольно недоброжелательным отношением к его отцу — Дмитрию Ивановичу, сперва не признававшему Киприана, а затем, после его краткого пребывания в Москве, изгнавшему его (в связи с поведением митрополита во время нашествия Тохтамыша). Критическим отношением к Дмитрию Донскому объясняется, очевидно, включение в свод 1408 г. весьма невыгодного для Дмитрия и его сподвижника митрополита Алексея известия 6876 г. о том, как князь и митрополит «зазваша... любовью», а затем вероломно «поймали» тверского князя Михаила Александровича. С борьбой Киприана за свой престол связан и рассказ 6885—6887 гг. о ставленнике великого князя на митрополичий престол Михаиле-Митяе, весьма печальный для Дмитрия. Если принять высказанное выше предположение о принадлежности своду 1408 г. известия Рог. за 6855 г. (Бел. — 6856 г.) об иптер-

⁵⁸ М. Д. Приселков. История... с. 129—130.

⁵⁹ Там же, с. 135—140.

дикте, паложеном Феогностом на Семена Гордого за третий брак, то обнаруживается критическое отношение киприановского сводчика и к предшествующим московским князьям в тех случаях, когда они ссорились с митрополитами. В отличие от Дмитрия Донского Ольгерд с самого начала признал Киприана «митрополитом всея Руси». Отсюда, очевидно, и похвалы этому князю (хотя и врагу Москвы, и «безбожному и нечестивому») под 6876 и 6885 гг.: «...не толма сплюю, елико умением воеваше... во всей же братии своей Ольгерд превзыде владыстню и саном, поне пива и меду не пиаше, ни вина, ни кваса кисла, и великоумство и въздержанне приобрете себе...». Это рассуждение о воздержании Ольгерда от вина, пива и меда приобретало особенно острый характер благодаря тому, что рядом с ним под тем же самым 6885 г. был помещен рассказ о сокрушительном поражении, понесенном русским (суздальско-московским) войском от татар на р. Пьяне и вызванном небрежностью и невоздержанностью воевод: «А где насхаху в зажитыи мед или пиво, и испиваху допьяна без меры, и ездять пьяни, поистинне за Пьяною пьяци».

«Киприановские» тенденции свода 1408 г. определили и ряд других особенностей Тр. Весьма недоброжелателен был сводчик к новгородцам, постоянно оказывавшим противодействие митрополиту. Иным было отношение свода 1408 г. к Золотой Орде, восстановившей после похода Тохтамыша суверенитет над русскими землями. В этом вопросе сводчик был чрезвычайно сдержан и осторожен. Помещенный под 6888 г. рассказ «О великом побоище, иже на Дову» представляет собой, по всей видимости, наиболее раннее из известных нам описаний Куликовской битвы, но описание это кратко (весь рассказ занимает не более двух страниц текста), и историческое значение «победы великой», одержанной русскими войсками, еще не осознавалось летописцем. Событие это было заслонено в его представлениях последующими событиями — нашествием Тохтамыша и Едигея (походом Едигея и заканчивался свод 1408 г.). Чрезвычайно характерно для Тр. то объяснение, которое дает летописец отъезду Дмитрия из Москвы (6890 г.) при известии о походе Тохтамыша: «Князь же великий Дмитрий Ивановичь, то слышав, что сам царь идет на него со всею сплюю своею, не ста на бой, ни противу его поднял руку, противу царя Тохтамышия, но посха в свой град на Кострому». Здесь можно было бы предполагать оттенок иронии, своеобразную попытку киприановского сводчика поквитаться с князем за то, что он изгнал после 1382 г. Киприана, обвинив митрополита в трусливом поведении во время осады. Однако из дальнейшего текста видно, что осторожная тактика по отношению к татарам действительно представлялась летописцу наиболее правильной и благоразумной. Рассказывая о том, как во время нашествия Едигея в 6916 г. Василий I попросил у тверского князя Ивана Михайловича помощи, а Иван Михайлович, «не хотя сего сътворити, ни изменити крестного целованна и давного мира с великим кня-

зем», пошел к Москве «не в мнозе дружине» и, не дойдя, вернулся в Тверь, летописец явно одобряет это «премудрое коварство»: «Ни Едегея разгнева, ни великому князю погруби. Се же створи умонски, паче же истински».

При таком отношении к современным ему проблемам русско-татарских отношений свод 1408 г. еще менее склонен был проявлять интерес и сочувствие к борьбе с татарами в первой половине XIV в., ведшейся главным образом тверскими князьями. О тверском князе-мученике Михаиле Ярославиче (впоследствии канонизованном общерусской церковью) свод 1408 г. сообщал, что им в 6825 г. «зельем уморена бысть» жена князя Юрия Даниловича и сестра хана Кончака и что в 6826 г. «убил царь Озбук в Орде великого князя Михаила Ярославичя». Столь же бесстрастно сообщалось об убийстве Дмитрием Михайловичем Тверским своего соперника Юрия в 6833 г. и о казни Дмитрия в Орде в 6934 г. Так же лаконично было, по-видимому, и сообщение Тр. о тверском восстании против татарского наместника Щелкана: судя по краткой ссылке Карамзина и тексту Бел. (о котором мы говорили выше), здесь говорилось только, что в 6835 г. Шевкал приехал в Тверь и его там убили.

Крайне лаконичные сообщения Тр. о русско-татарских отношениях первой половины XIV в. свидетельствуют не только о том, что сопротивление тверских князей не вызвало сочувствия сводчика 1408 г. В Тр. не получила сколько-нибудь ясного отражения и официальная московская точка зрения на эти события. Войска Кавгадыя привел на Тверь в 1317 (6825) г. московский князь Юрий; он же в следующем году добился казни Михаила Ярославича; в 6835 (1327) г., согласно тексту Тр. (заимствованному из Новгородской I), именно «князь Иван Данилович Московский по повелению цареву» пришел с «великой ратью татарскою» и «плениша Тферь и Кашин... и все княжение Тферское взяша и пусто сътвориша». Как же обосновывалась такая политика? Чем объясняли и оправдывали московские князья эти походы? Этого мы из свода 1408 г. не узнаем.

Такая бедность в изложении основного материала Тр. за первую половину XIV в. дает основание вновь вернуться к вопросу, уже поставленному в начале этой статьи. Что представляли собой московские источники (или источник) этой летописи? Отражилось ли в своде 1408 г. предшествовавшее ему по времени московское великокняжеское летописание? Решение этого вопроса оказывается чрезвычайно сложным.

3

При определении московского (общерусского) источника известий Тр. за XIV в. исследователь не имеет возможности идти тем путем, каким он идет, например, при определении ее новгородского источника. Текстов, параллельных Тр., которые независимо от нее могли восходить к общерусскому летописанию XIV в.,

мы не знаем.⁶⁰ Но если нет сравнительно-текстологических данных о московских источниках Тр., то имеются зато прямые, хотя весьма бедные данные о каком-то общерусском предшественнике этой летописи. Под 6900 г. свод 1408 г., как мы знаем, предлагал читателю для проверки высказанных в своде обвинений против новгородцев обратиться к «Летописцу великому русскому» и прочитать «от великого Ярослава до сего князя ныняшнего». Что же это был за «Летописец»? При определении его характера М. Д. Приселков исходил прежде всего из того, что составитель Тр. — свода, близкого к Киприану, — явно противопоставлял «Летописец великий русский» своей собственной митрополичьей летописи и ссылался на него как на авторитетный «документ», свидетельствующий против враждебных Киприану новгородцев. Таким «документом, не возбуждающим сомнений», должен был быть, по мнению исследователя, московский великокняжеский свод, доведенный до «князя ныняшнего», т. е. до вступления на престол Василия I в 1389 г.⁶¹

⁶⁰ Ни одна из летописей, используемых для реконструкции Тр., не может быть непосредственно (не через свод 1408 г.) возведена к московскому летописанию XIV в. Хотя сплошное сходство Сим. и Рог. с Тр. кончается 6899—6900 гг., отдельные известия из свода 1408 г. (отмеченные у Н. М. Карамзина) после этих годов обнаруживаются в Сим. (6902, 6903, 6909, 6910, 6912 гг. — в обеих годовых статьях, 6913 г., 6914 г. — в Сим. под 6914—6915 гг., 6915 г., 6916 г. — в Сим. под 6916—6917 гг., до начала рассказа о Едигее), а некоторые и в Рог. (6902, 6903 гг.); во Вл. также после прекращения на 6887—6888 гг. близкого сходства с Тр. обнаруживаются два сходных известия под 6900 и 6913 гг. (см. с. 90, прим. 41). Очевидно, все эти летописи восходят к своду начала XV в., идентичному Тр. Более определенная грань в известиях конца XIV в. обнаруживается в Бел. После известия 6896 г. о смерти Дмитрия Донского, очевидно восходящего к Тр. (Сим.: «долго вечера... в час пощи»; Бел.: «долгонощи»), здесь приведены известия 6893—6896 гг. (иные, чем прежде) и следует совершенно новый текст. Нет в Бел. и характерной для Тр. (а также Сим. и Рог.) дублировки известий о Митяе, помещенных под 6885 и 6887 гг.: в Бел. под 6887 г. только сообщается о поездке «Михаила игумена в Царьград» без всякого осуждения. Но Бел. — относительно поздняя и сильно сокращенная компиляция; составитель ее просто мог оборвать цитирование свода 1408 г. на 6896 г., перейдя затем к своему другому источнику — Софийской I летописи (начиная с 6893 г., откуда и дублировка трех годовых статей).

⁶¹ М. Д. Приселков. История..., с. 121—122. — В одной из ранних работ А. А. Шахматов высказывал предположение, что «Летописец великий русский», упомянутый в Тр., был «киприановской редакцией общерусского свода», т. е., очевидно, митрополичьей летописью (А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. ЖМНП, 1900, № 11, с. 151); это же мнение выражал и В. Л. Комарович (в кн.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1946, с. 195—196). Однако А. А. Шахматов никак не определял характер самой Тр. Но если свод 1408 г. (Тр.), как убедительно показал М. Д. Приселков, был митрополичьей летописью, связанной с Киприаном, то «Летописец великий русский», на который составитель Тр. ссылался как на иной памятник, подтверждающий его точку зрения на новгородцев, очевидно, не мог быть таким же митрополичьим сводом.

Но как восстановить текст «Летописца великого русского»? При отсутствии параллельных памятников единственным путем такого восстановления стало бы разделение текста Тр. на слои, «расшивка» ее на предполагаемые источники. К московскому великокняжескому своду («Летописцу великому русскому») М. Д. Приселков относил московские и некоторые церковные известия Тр.⁶² Однако известия эти (вплоть до времени Дмитрия Донского) оказывались весьма бедными; разграничить среди них первоначальные записи московских летописцев и дополнения, сделанные сводчиком начала XV в., едва ли возможно. Известия о первых московских князьях не имеют точных дат, которые свидетельствовали бы о своевременной записи, иногда они представляют собой сводку известий за несколько лет (например, известие 6829 г.: «на ту же зиму князь великий Юрьи Давидовичь поехи в Новгород Великий оттоле и в Орду пошел на четвертое лето...»)⁶³ Поздний характер имеют, например, те дополнения Тр. в тексте свода 1305 г. за копец XIII—начало XIV в., о которых мы уже упоминали, в частности дополнения за 6805 и 6811—6813 гг., относящиеся к московским князьям. Свод 1305 г., отраженный в Тр. на всем своем протяжении, привлекался, очевидно, непосредственно сводчиком 1408 г.; естественно отнести к работе этого сводчика и дополнения к этому своду за начало XIV в. Так, к известию свода 1305 г. о смерти Даниила Московского добавлены имена его предков и место погребения; но никаких черт своевременной записи это дополнение не имеет: точная дата смерти взята здесь из свода 1305 г. Составителю свода 1408 г., по убедительному предположению М. Д. Приселкова, принадлежало и единственное известие о московской политике, имевшее оценочный (а не только чисто информационный) характер и касавшееся политику Ивана Калиты. Это сообщение о том, что после получения Иваном Давидовичем в 6836 г. великокняжеского престола «бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престави погани воевати Русскую землю и закалити христиан...». Прежде всего совершенно ясно, что известие это не могло быть написано ранее, чем через 40 лет после 6836 г., т. е. не ранее 6876 (1368) г. Под 6876 г. в Тр. действительно содержится рассказ о великом «зле», понесенном Русской землей от нашествия Ольгерда, и читается запись, прямо связывающая это событие с приведенным текстом 6836 г.: «...от Федорчюковы рати до Ольгердовы лет 41». Но рассказ о походе Ольгерда («не толмо силою, акино умением воеваше») принадлежит, как мы уже отмечали, к числу типичных для киприановского свода 1408 г. и весьма не-

⁶² В основном к «Летописцу великому русскому» М. Д. Приселков относил те известия Тр., которые нельзя было возвести к другим летописным центрам (История..., с. 122—128, 130—134). Но принципы этого разделения не были указаны исследователем и не всегда понятны для читателя.

⁶³ М. Д. Приселков. История..., с. 122—123.

лестных для московских князей рассказов. Кроме того, само сопоставление похода Федорчука на Тверь в 6835 г. и Ольгерда на Москву в 6876 г. обнаруживало руку не великокняжеского летописца, а такого, который в этом случае пытался стать на общерусскую точку зрения: ведь прямым и виднейшим участником «Федорчуковой рати» был сам Иван Калита. и с московской точки зрения этот поход никак не следовало сопоставлять с походом Ольгерда на Москву.⁶⁴ Сводчиком 1408 г. были, очевидно, собраны и те известия более широкого характера (о событиях в Византии, Золотой Орде, суздальско-нижегородских делах), которые читались (судя по Сим., Рог. и Бел.) в Тр. (см. выше, стр. 89).

Какие же известия могут быть в таком случае отнесены к московскому летописанию XIV в.? С какого времени началось это летописание? О первых московских князьях, Данииле Александровиче и Юрии Данииловиче, не сохранилось известий, которые можно было бы считать своевременными записями московских летописцев;⁶⁵ даже сообщение о смерти Юрия в 6833 г. не имеет признаков московского происхождения: об убийстве этого князя в Орде от руки его недруга Дмитрия Тверского сообщено без всякого осуждения Дмитрия; нет даты погребения Юрия в Москве. Первый московский князь, о котором в Тр. читаются известия с точными датами (хотя и весьма краткие), — это Иван Данилович. Сведения о семейных делах этого князя появляются под сравнительно ранними датами. Под 6825 (1317) г. летописец сообщает о рождении у него сына Семена (будущего Семена Гордого); под следующими годами читается ряд таких же лаконичных известий о рождениях,⁶⁶ смертях,⁶⁷ и прочих собы-

⁶⁴ Там же, с. 137—138.

⁶⁵ Этому наблюдению М. Д. Приселкова противоречит на первый взгляд его замечание в полемике с А. Н. Насоновым, что известие Рог. и Тверского сборника за 6796 (1288) г. о войне тверского князя Михаила Ярославича с Дмитрием Переяславским было не тверским, как полагал А. Н. Насонов (Летописные памятники Тверского княжества, с. 729), а московским (М. Д. Приселков. История..., с. 107). Однако общий источник Рог. и Тверского сборника был несомненно в этой части тверским сводом (по А. Н. Насонову — середины XV в.); нам представляется, что прав был в этом случае А. Н. Насонов — нет оснований отвергать тверское происхождение записи 6796 г. Неправа Л. Л. Муравьева, когда, ссылаясь на это предположение М. Д. Приселкова, считает, что тем самым опровергается определение записи 6825 г. как первой московской летописной записи; еще более ошибочно ее утверждение, что запись 6796 г. и А. Н. Насонов считал московской и что М. Д. Приселков здесь «присоединился к мнению А. Н. Насонова» (Л. Л. Муравьева. Заметки о первых московских летописных записях. Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972, с. 113 и 116).

⁶⁶ Ср. известия Тр. под годами: 6825, 6827, 6834, 6835, 6845, 6849 (рождение и смерть Константина Семеновича без точной даты), 6855, 6857, 6858, 6861. Более обильными становятся эти известия со времени Дмитрия Донского.

⁶⁷ Ср. известия Тр. под 6828, 6833, 6839, 6848, 6853, 6867 гг.

гих⁶⁸ из жизни московского княжеского дома. Параллельно с ними помещаются столь же краткие, но тоже датированные известия о строительстве церквей и прочих церковных делах.⁶⁹ К какому же источнику могут быть возведены эти известия? М. Д. Приселков полагал, что перед нами — известия московских великокняжеских сводов, которые начали вестись с 1340 г. (смерть Ивана Калиты), но составлялись при митрополичьей кафедре (чем и объясняется сочетание двух групп известий — семейной хроники и известий о церковных делах); завершением этой летописной работы стал «Летописец великий русский» 1389 г.⁷⁰

Но если в XIV в. существовал ряд московских великокняжеских сводов, то чем же объяснить, что вплоть до конца XIV в. (до Куликовской битвы) мы не обнаруживаем в Тр. никаких попыток обосновать и оправдать московскую великокняжескую политику, особенно политику первой половины XIV в., когда московские князья боролись за владимирский престол с тверскими и победили их? Тверская политика этого периода получила развернутое обоснование в памятниках летописания и агнографии, отраженных в традиции XV в., несмотря на поражение и многократное возвращение Тверской земли. Отсутствие в Тр. официальной версии московской политики до Дмитрия Донского можно было бы объяснить тем, что перед нами — митрополичий свод Киприана, составитель которого просто не сохранил соответствующих текстов московского великокняжеского летописания XIV в. Но не сохранилась ли в таком случае московская версия истории междукняжеской борьбы до Дмитрия Донского в московских великокняжеских сводах более позднего времени, имевших очевидную возможность пользоваться текстом «Летописца великого русского» и его предшественников XIV в.? Вопрос этот вставал перед М. Д. Приселковым. Но, обратившись к великокняжеским и царским сводам более позднего времени (Воскресенская, Львовская и Псково-Печорская летописи), исследователь не обнаружил в них каких-либо московских (великокняжеских) известий, которых по сути бы и Тр. Именно это обстоятельство и заставило М. Д. Приселкова прийти к выводу, что «составитель свода 1408 г., ссылаясь на Летописец великий русский, имел его в качестве основного, если не полностью исчерпанного источника до 1389 г. включительно».⁷¹

⁶⁸ Ср. известия Тр. под годами: 6841 (женидьба Семена без точной даты), 6849 (женидьба Ивана без точной даты), 6852 (возвращение князя из Орды), 6854 (развод Семена без точной даты).

⁶⁹ Ср. известия Тр. о закладке церквей под 6834, 6836, 6837, 6838, 6841 гг. ср. также известия под годами: 6851 (о гибели церквей при нашествии), 6862 (о смерти митрополита Феогноста), 6863 (о поставлении митрополита Алексия), 6856 (о чуде), 6865 (о поездке митрополита Алексия в Орду и чуде). Ряд известий об украшении церквей и другие даны без точных дат.

⁷⁰ М. Д. Приселков. История..., с. 123—128.

⁷¹ Там же, с. 121.

В поисках известий московского великокняжеского летописания, не сохранившихся в Тр., М. Д. Приселков, как мы видели, обращался к летописям XVI в. Но наблюдения его могут быть проверены и на материале летописания XV в. Речь идет прежде всего о своде 1448 г., лежавшем в основе Софийской I и Н IV, и о московских великокняжеских сводах 70-х годов XV в.

Рассматривая текст свода 1448 г. за XIV в. и особенно за его первую половину, мы можем убедиться в том, что известия о борьбе за владимирский престол и татарском терроре здесь даны значительно полнее, чем в своде 1408 г. Однако все эти дополнения восходят не к московским источникам и отражают не московскую, а часто прямо противоположную — тверскую или псковскую — точку зрения. С сочувствием рассказывалось здесь о гибели тверского князя Михаила Ярославича по вине московского князя, о восстании тверичей против Шелкана в 6835 г. и о роли Ивана Калиты в гибели тверского князя Александра в 6847 г. Помещение этих сообщений отнюдь не свидетельствовало о противомосковской тенденции свода 1448 г. — свод этот был общерусским (вероятнее всего, митрополичьим), составитель его сочувствовал московским князьям в их борьбе с Новгородом в конце XIV—начале XV в. и чтит Дмитрия Донского.⁷² Но дополнительного (по сравнению с Тр.) московского материала за первую половину XIV в. в его распоряжении явно не было. В своде 1448 г. (а вслед за ним и в более поздних летописях) мы находим несколько известий о московских князьях, которых не было в своде 1408 г., но эти известия оказываются немосковскими по своему происхождению. Так, под 6829 г. в Софийской I и Н IV мы читаем о соглашении Юрия Даниловича с Дмитрием Михайловичем, что «княжешия великого князю Дмитрию не подымати»; известие это заимствовано сводом 1448 г. из Новг. I старшего извода (Синодального списка XIV в.) и принадлежит новгородскому летописанию. Под 6833 г. в своде 1448 г. читается в отличие от Тр. точная дата погребения в Москве князя Юрия Даниловича. Однако и это известие восходит к Новг. I старшего извода и имеет несомненно новгородский характер: «Того же лета приеха на Москву к митрополиту Петру из Новгорода Моисей ставитися на владычество. И привезоша при нем великого князя Юрия Даниловича...». К Новг. I восходит и дальнейший текст, где поясняется, что Юрия убил «в Орде князь Дмитрий Михайлович Тверской без царева слова, и не добро быше и самому, иже что сеет хто, то и пожнеть...». Враждебность к тверскому князю, обнаруженная здесь новгородским летописцем первой половины XIV в., понятна: в ходе московско-тверской борьбы за владимир-

⁷² Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей, с. 130—133.

ский престол Новгород поддерживал Москву и боролся с тверскими князьями; но статья эта, начинающаяся с известия о приезде повгородского владыки в Москву, была не московской, а новгородской.⁷³ Следов московского великокняжеского летописания, не отразившихся в своде 1408 г., не было и в своде 1448 г.

Московский великокняжеский свод начала 70-х годов XV в. (известный нам по Никаноровской, Вологодско-Пермской и близким к ним летописям), несмотря на свой официально-великокняжеский характер,⁷⁴ следовал во всех перечисленных выше статьях своду 1448 г. (точнее, его отражению — Софийской I летописи). Значительное пополнение фонда известий XIV в. обнаруживается в следующем по времени великокняжеском своде — Московском своде 1479 г. Текст свода 1479 г. за XIV в. основывался на особой компиляции, объединявшей известия свода 1448 г. со сводом 1408 г. и другими летописями. При этом оба основных источника были подвергнуты тщательному редактированию в официальном московском духе.⁷⁵ Заимствовав из свода 1448 г. большие рассказы о войнах с татарами и татарском терроре, составитель компиляции, помещенной в своде 1479 г., изъясил из своего источника известия, неблагоприятные для московских князей. Из свода 1408 г. составитель компиляции заимствовал упомянутую выше семейную хронику московских князей и церковные известия, удалив при этом специфически «киприановские» черты своего источника (комплименты Ольгерду и издевательский каламбур «за Пильною пьяни» из статьи 6885 г.).

Такая сугубо тенденциозная обработка материала в официально-великокняжеском духе, естественно, предполагала бы обращение к московскому летописанию XIV в., если бы оно было недостаточно использовано сводом 1408 г. Однако никаких пополнений сведений известий по московской истории до конца XIV в. мы в своде 1479 г. не находим. Все, что смог сделать великокняжеский летописец конца XV в. для усиления выразительности рассказа о гибели Юрия Даниловича, — это перенести в начало статьи пояснение, читавшееся в своде 1448 г. в конце годовой статьи, что Дмитрий убил Юрия «без царева слова, и не добро было и самому, что бо хто сееть, то и пожнетъ». Но слова эти, как мы уже знаем, принадлежали не московскому, а повгородскому летописцу XIV в., и то обстоятельство, что для осуждения

⁷³ Именно поэтому у нас нет оснований сомневаться в новгородском происхождении известия Новг. I по Синодальному списку за 6833 г. и относить его к «северо-восточному» источнику Новг. I и свода 1479 г., как это делает Ю. Лимонов (Летописание Владимиро-Суздальской Руси, с. 126).

⁷⁴ Ср. Н. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в., с. 243—247.

⁷⁵ Ср.: А. Н. Насонов. История..., с. 293—294.

убийцы Юрия московскому летописцу XV в. приходилось обращаться к новгородскому источнику XIV в., весьма характерно. Среди непогочисленных известий свода 1479 г., отсутствующих в своде 1448 г. и в Тр., мы обнаруживаем только четыре московских известия за конец XIV—начало XV в.⁷⁶

Но существовало ли в таком случае московское великокняжеское летописание до конца XIV в.? Для того чтобы решить эту проблему, нам прежде всего надо затронуть вопрос, редко возникающий в исследованиях по летописанию, — о различных этапах создания и видах летописания. Всегда ли летопись имела форму развернутого и полного свода, включающего не только хронику событий, но и их оценку? Несомненно, что созданию сводов предшествовала иная, более скромная по характеру работа. Из материалов XVI в. мы знаем о существовании «черных списков», ведшихся при составлении летописи;⁷⁷ в сборниках XV—XVI вв. мы постоянно обнаруживаем кратко летописцы: чаще всего это летописцы монастырей и отдельных лиц. Однако вполне вероятным представляется существование подобных записей, объединившихся затем в летописцы, и при княжеских дворах.

М. Д. Приселков был, по нашему мнению, прав, предполагая существование в первой половине XIV в. семейной хроники московских Даниловичей. Вполне вероятно, что после смерти Ивана Калиты в 1340 г. отдельные записи о семейных делах московских Даниловичей и такие же летописные записи митрополитского двора были объединены в летописец, составитель которого написал под 6848 г.: «Господину нашему князю великому Ивану Даниловичу вечная память» — и приписал к известию о татарском походе 6835 г. аналогичную запись: «Господь своею милостию заступил благоверного князя нашего Ивана Даниловича».⁷⁸

⁷⁶ См. известия под годами: 6891 (точная дата поездки в Орду Василия I), 6900 (приход Василия I в Нижний Новгород), 6904 (свидание Василия с Витовтом) и 6918 (строительство Плеса).

⁷⁷ Опись царского архива и архива Посольского приказа. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 48 («списки черные» для летописца «лет новых»).

⁷⁸ М. Д. Приселков. История..., с. 124. — С тем, что раннее московское летописание имело характер «записей в форме летописца», согласна и Л. Л. Муравьева, но она отстаивает возможность ведения таких записей и до 1317 г. Однако никаких убедительных примеров современных событиям московских записей начала XIV в., кроме обнаруженных М. Д. Приселковым в Тр., исследовательница не приводит — она ссылается только на известия Новг. I старшего извода, использованные летописцами XV—XVI вв., и на датированные известия свода 1305 г. (Лаврентьевская летопись), распространенные в своде 1408 г., предполагая, что более полный текст в Тр. представляет собой первоначальную московскую версию, сокращенную Лаврентием, «тем более что М. Д. Приселков отмечал большую редакторскую работу Лаврентия, в том числе по линии сокращения и пропусков текстов в своде» (Л. Л. Муравьева. Заметки о первых московских летописных записях, с. 114—115). Это явное недоразумение.

Но летописец московских князей вплоть до конца XIV в. не был великокняжеским сводом такого типа, какие мы знаем по второй половине XV в.: он не имел общерусского характера и не стремился к воздействию на сколько-нибудь широкий круг читателей.⁷⁹

Что же представлял собой в таком случае «Летописец великий русский», на который ссылался составитель свода 1408 г.? Для ответа на этот вопрос мы не располагаем необходимыми данными; предположения о «Летописце великом русском» могут быть даже не гипотезами, а скорее догадками. Можно предложить три такие догадки.

1. «Летописцем великим русским», доведенным до конца XIV в. (время «князя ныняшнего» Василия I), мог именоваться свод великих князей суздальско-нижегородских, добившихся в последней четверти XIV в. на короткое время владимирского престола. Следы суздальско-нижегородского летописания можно предполагать в Тр. (судя по Сим. и Рог. и Вл.); еще более широкое влияние из суздальского свода (включающего и ростовские известия) обнаруживаются в своде 1448 г. и Московско-Академическом списке.⁸⁰ С подготовкой великокняжеского суздальско-нижегородского свода могло быть связано и изготовление дошедшего до нас списка Лаврентьевской летописи, предназначенного «князю великому Дмитрию Константиновичу». Как от-

Низовой редакторской работы Лаврентия М. Д. Приселков не отмечал. Напротив, он считал, что Лаврентий старался выполнить свою работу как точный копист, а не как редактор, список его представлял собой «простую копию» со свода 1305 г. (История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий, с. 186 и 189). В известиях Тр. за 6805 (1297) и 6811—6813 (1303—1305) гг. первичным является текст свода 1305 г., а вторичным — его расширенные версии в своде 1408 г.

Какой существование московских летописных записей начиная с 1305 годов XIV в. и составление летописца около 1340 г. представляется вероятным, но предположение о московском своде 30-х годов XIV в., оказавшем широкое влияние на различные летописи, ничем не обосновано. Такое предположение о «северо-восточном источнике» ряда летописей, который якобы был первым московским сводом 30-х годов, высказано Ю. А. Лимоновым, предполагающим отражение этого источника не только в Московском своде 1480 (1479) г., но и в Повг. I старшего извода (Синодальном списке), Тр. и даже Лаврентьевской летописях (Ю. А. Лимонов, Летописание Владимиро-Суздальской Руси, с. 124—131). Лаврентьевская и Повг. I летописи совпадают только в двух известиях за 6725 (Повг. I — 6726 г.) и 6731 (Повг. I — 6732 г.) гг., не относимых к Владимиро-Московской Руси. Во всех остальных примерах (6745, 6754, 6770 гг.), на которые сослался Ю. А. Лимонов (там же, с. 125—126), никаких совпадений текста не обнаруживается (кроме того, влияние московского свода 30-х годов на свод 1305 г., сохранившийся в Лаврентьевской летописи, вообще невероятно). Не подтверждается проверкой и ряд совпадений между Повг. I и Тр., указанных Ю. А. Лимоновым (см. с. 93—94, прим. 50).

⁸⁰ Ср.: Н. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей, с. 127—128.

метили уже М. Д. Приселков и А. И. Насонов, вполне вероятно, что копия со свода 1305 г., сделанная Лаврентием и его сотрудниками, была изготовлена при подготовке суздальско-нижегородского великокняжеского свода конца XIV в.⁸¹

2. Под «Летописцем великим русским» мог подразумеваться и свод великих князей тверских, также получивших в конце XIV в. от хана великокняжеский престол. Отражение тверского великокняжеского летописания М. Д. Приселков предполагал в своде 1408 г., определенные заимствования из Тверской великокняжеской летописи обнаруживаются в своде 1448 г.⁸²

3. Если считать вместе с М. Д. Приселковым, что «Летописец великий русский», доведенный до «сего князя пыленного», — это Московская великокняжеская летопись 1389 г., то придется признать, что эта летопись была первым общерусским сводом, составленным в Москве, опиравшимся на очень бедную традицию XIV в. (московский княжеско-митрополичий летописец, внемосковское летописание) и не дававшим еще развернутого изложения официальной идеологии. Даже рассказы о Куликовской битве, палестине Тохтамыша и житии Дмитрия Донского едва ли были здесь более развернутыми, чем в своде 1408 г.: когда составитель свода 1448 г. захотел расширить эти рассказы, он добавил лишь чисто этикетные формулы и характеристики. Великокняжеское летописание последующего времени опиралось не на московское великокняжеское летописание конца XIV в., а на эту литературную композицию середины XV в.⁸³

Никаких сколько-нибудь значительных отражений московской политической мысли до последней четверти XIV в. до нас не дошло. Чем объясняется это «безмолвие» — тем, что протатарская политика предков Дмитрия Донского была мало популярной и ее трудно было украсить, или тем, что политическая практика интересовала московских Даниловичей больше, чем теория? Этого мы не знаем — так или иначе летописные отражения московской официальной идеологии до Дмитрия Донского нам неизвестны и этот пробел в источниках должен учитываться историками.

⁸¹ М. Д. Приселков. История..., с. 134—135; А. И. Насонов, История..., с. 187—188.

⁸² Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей, с. 128—129. — В пользу того, что «Летописец великий русский» не был Московской великокняжеской летописью, свидетельствует и единственный памятник, в котором мы могли бы предполагать отражение более раннего летописного источника, чем Тр. (свод 1408 г.). Это, как мы уже указывали, Бел., где текст, параллельный Тр., доходит до 6896 г. (см. с. 98, прим. 60). Текст Бел., в ряде случаев совпадающей с Рог., содержит, например, известие об интердикте, наложенном на Семца Гордого в 6856 г. (Рог. — 6855 г.) (см. с. 88), — известие, совсем неподходящее для Московской великокняжеской летописи.

⁸³ Ср.: М. А. Салмина. Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина». В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 344—384.